

УДК 947(571.5)

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.37.17>

Как Иркутск стал «очагом социализма», или О ссылке студентов в Иркутскую губернию в 1899–1903 гг.

А. А. Иванов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Статья посвящена студентам высших учебных заведений центра России, высланным административным порядком в Иркутскую губернию за активное участие в протестном движении 1899–1902 гг., направленном на расширение независимости университетов и действительное, а не формальное студенческое самоуправление. Несмотря на недостаток документальных и историографических источников, автором определены численность и география размещения «бывших студентов» в местах ссылки, показаны основные формы их участия в местном оппозиционном движении. Сделан вывод о том, что ссыльные студенты сыграли заметную роль в оформлении и развитии леворадикальных организаций в Иркутске в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: политическая ссылка, антиправительственные демонстрации, «бывшие студенты», Иркутская губерния, оппозиционное движение.

Для цитирования: Иванов А. А. Как Иркутск стал «очагом социализма», или О ссылке студентов в Иркутскую губернию в 1899–1903 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 37. С. 17–37. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.37.17>

История Иркутской губернии XIX – начала XX в. самым теснейшим образом связана с политической ссылкой. Различные сюжеты этой темы разработаны весьма основательно, другие еще ждут своего исследователя. К последним относится и история высылки в Сибирь студентов высших учебных заведений центра страны – участников протестного движения 1899–1901 гг. Эта тема не получила своего отражения и в научной литературе, посвященной общественно-политической жизни Иркутска начала XX в., изданной как в советский, так и в современный период: о «бывших студентах», а именно так их именовали в официальных документах чиновники и жандармы, можно встретить лишь отдельные упоминания.

Источниковая база данной темы также бедна, что напрямую связано с распоряжением правительства, последовавшим в марте 1899 г. и запрещавшим редакторам столичных и провинциальных повременных изданий даже упоминать о студенческих волнениях [15, с. 103]. Официальная периодика («Правительственный вестник», «Журнал Министерства народного просвещения») ограничивалась лишь констатацией «студенческих беспорядков», сухой информацией о высылке «зачинщиков» в Архангельск и Восточную Сибирь. Нелегальные газеты социал-демократов и эсеров «Искра» и «Рево-

люционная Россия» опубликовали несколько небольших заметок на эту тему, безусловно, весьма информативных, но носивших в большей мере пропагандистский характер.

Разрозненные фрагменты предмета нашего исследования можно найти в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО) – фондах 25, 91, 600, 601. Несмотря на перечисленные недостатки документальных и историографических источников, в настоящей статье зададимся целью определить общее количество, географию размещения «бывших студентов», а также показать их участие в общественно-политическом и радикальном движении Иркутской губернии на рубеже двух веков.

«Мы – не борцы. Мы только тень борцов, упавшая от солнца за горами...». *Из студенческого фольклора 1901–1902 гг.* [1, с. 40]

В конце XIX в. в государственных, общественных и частных высших учебных заведениях страны обучалось более 31 тыс. студентов (в 1907 г. – уже почти 93 тыс.) [4, с. 254]. Это была весьма активная и мобильная категория населения империи, хорошо образованная, знакомая с идеями народничества и социализма, состоявшая из самых различных социальных слоев – мелкой и средней буржуазии, земской интеллигенции, духовенства, чиновничества. Классовые и социальные различия студентов нивелировались совместной борьбой за расширение самостоятельности университетов, независимость студенческого самоуправления, уменьшение платы за обучение.

Между тем жизнь российского студенчества регулировалась Университетским уставом, принятым еще в 1884 г., а также Правилами для студентов от 16 мая 1885 г., утвержденными министром народного просвещения. И Устав, и Правила не отвечали стремительно меняющейся действительности, были направлены против духа студенческого коллективизма, стремления к обновлению, борьбе за справедливость – чувствам, свойственным любому молодому поколению. Так, § 10 Правил «ни под каким предлогом и ни в каком виде» не разрешал студентам «выражения одобрения или неодобрения преподавания». Наиболее одиозно звучал § 13: «Студенты считаются отдельными посетителями университета, а потому не допускается никакое действие их, носящее на себе характер корпоративный. На сем основании не допускается подача адресов и прошений за подписями нескольких лиц, посылка депутатов, выставление каких-либо объявлений от имени студентов»¹.

Очевидно, что излишний консерватизм Правил не мог не вызывать неприятия не только у студентов, но и у преподавателей, которые, руководствуясь этими документами, по сути, вынуждены были выполнять в вузах еще и охранительные функции. Обычно студенческое протестное движение усиливалось в начале каждого года, что было связано с двумя датами: 25 января – Татьяниним днем и 8 февраля – днем образования столичного университета. Вот и в 1899 г., в начале февраля, забастовали студенты Санкт-Петербургского университета, через три дня волнения и митинги распространились на большую часть столичных вузов, а к середине месяца

---

¹ Журнал Министерства народного просвещения. Шестое десятилетие. Часть ССXL. 1885. Июль. С. 37, 38.

стачка приняла всероссийский характер, охватив 25 тыс. учащихся из 30 вузов страны [2, с. 33]. При этом руководящий забастовочный комитет столичного университета сразу же взял на себя функции единого координирующего центра: отправлял своих представителей в другие города, принимал делегатов от вузов, проводил совместные совещания и делегатские собрания².

В марте 1899 г. правительство приняло масштабные, небывалые меры борьбы со студентами. Распоряжением министра просвещения из столичных вузов были исключены все участвовавшие в забастовке, в том числе 218 слушательниц Высших женских курсов. Из Москвы также выслали 2160 учащихся, 255 человек – из Киева, 45 – из Томска, еще в конце февраля были уволены все студенты Харьковского университета [2, с. 35, 37]. Массовыми репрессиями первая общероссийская студенческая забастовка к концу апреля была свернута.

Продолжая борьбу со студенческой молодежью, 29 июля 1899 г. правительство опубликовало Временные правила для отбывания воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемыми из них за учинение скопом беспорядков, а 11 января 1901 г. распорядилось об отдаче в солдаты 183 студентов Киевского университета – активных участников борьбы за корпоративное самоуправление. Известие об этом вызвало взрыв возмущения среди студентов и интеллигенции всей страны. В. И. Ленин назвал решение правительства «пощечиной русскому общественному мнению» и призвал рабочих и учащихся к совместным протестам [9]. Так началась вторая всероссийская студенческая забастовка.

Уже в конце января – начале февраля 1901 г. бастовали практически все высшие учебные заведения России. При этом студенческие стачки повсюду сопровождались актами обструкции в отношении наиболее консервативных и профессионально несостоятельных преподавателей. Абсолютно новым явлением политической жизни страны стало «сращивание» студенческого и рабочего движения. В Москве, Петербурге, Казани, Киеве прошли многолюдные общегородские митинги и забастовки. Так, в столице 4 марта состоялась масштабная рабоче-студенческая демонстрация, с красными знаменами, на которых были начертаны призывы «Долой временные правила» и «Долой самодержавие». Шествие в центре города жестоко подавили казаки, при этом несколько демонстрантов были убиты, более ста получили тяжкие телесные увечья, 1050 было арестовано, более 50 подвергнуты тюремному заключению, 26 – высланы в Восточную Сибирь и Степной край. Движение пошло на убыль только в апреле, когда правительство пообещало пересмотреть университетский устав и вернуть отданных в солдаты студентов [2, с. 57, 60].

Действительно, в конце декабря 1901 г. были опубликованы Временные правила о студенческих учреждениях, согласно которым студентам разрешалось устройство собраний, касс взаимопомощи, библиотек и читален, но только с разрешения и с участием администрации вуза. При этом ректор

---

² Доклад П. С. Ванновского о студенческих беспорядках 1899 года. СПб. : Изд. журн. «Северная Пальмира», 1906. С. 56, 57.

или инспектор, если им не нравился даже «тон собрания», могли его немедленно прекратить. «Свободы» оказались фиктивными и вызвали активные студенческие протесты. 5 февраля 1902 г. митинг студентов Петербургского университета 1063 голосами против пяти отверг Правила и призвал к масштабной забастовке. Так началась третья всероссийская студенческая стачка, которая охватила 36 высших учебных заведений страны более чем с 30 тыс. участников [2, с. 72, 73].

Особым упорством отличались протестные выступления студентов Московского университета, которые 9 февраля 1902 г. потребовали политических свобод, установления 8-часового дня для рабочих и созыва всенародного учредительного собрания. Здесь было арестовано около 900 человек, а 14 февраля все участники сходки исключены из университета. По решению Особого совещания «лица, изобличенные в подготовке демонстрации в числе 95», были высланы под надзор полиции в пределы Иркутского генерал-губернаторства на сроки от 2 до 5 лет, 567 человек подвергнуты тюремному заключению от 3 до 6 месяцев и «6 лиц подчинены надзору полиции на 1 год в месте жительства родителей»³. В марте 1902 г. к числу наказанных правительство добавило и участников многолюдной демонстрации в Петербурге 3 марта, выслав в Восточную Сибирь еще 65 студентов и заключив в тюрьму 53. В конце марта – начале апреля всероссийская забастовка закончилась [Там же, с. 85].

Как видим, студенческое движение из узкокорпоративного быстро перерастало в политическое, в вузах стали возникать социал-демократические и эсеровские организации. Прямым следствием неспособности государства к диалогу с самой активной частью российского общества стали убийства министров народного просвещения Н. П. Боголепова (1901 г.) и внутренних дел Д. С. Сипягина (1902 г.), совершенные бывшими студентами П. В. Карповичем и С. В. Балмашевым. Противостояние усилилось, стало постоянным и необратимым явлением российской жизни. Можно согласиться с Ричардом Пайпсом, считавшим, что студенческие волнения явились «отправной точкой движению протеста против самодержавия, которое уже не стихало... И если полагать, что всякое историческое явление имеет свое начало, то началом русской революции (27 февраля 1917 г. – *А. И.*) вполне можно считать всеобщую университетскую забастовку февраля 1899 года» [14, с. 8].

«Путь сибирский дальний...»

В конце XIX – начале XX в. политические ссылки уже не шли в Сибирь Московским «кандальным» трактом от этапа к этапу, а ехали вплоть до Иркутска железной дорогой, в сопровождении чинов жандармского ведомства (рис.). Теперь дорога от Москвы занимала не больше месяца, а не год-полтора, как было в 1870-х. На крупных станциях арестанты могли получить кипяток, отправить телеграмму или письмо, купить продукты. «Наши»

---

³ Правительственный вестник. 1902. № 57.

студенты выслались в Сибирь не на основании судебных приговоров, а административно, по Положению о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. Это значит, что в отличие от осужденных к ссылке судом студенты не лишались имущественных прав, своих чинов и званий, им разрешалось заниматься «полезным трудом», вести переписку, получать корреспонденцию. Несмотря на сравнительно «льготные» условия административной ссылки, это было тяжелое наказание, ведь административные должны были несколько лет провести в суровых сибирских условиях, испытывая постоянные материальные и моральные лишения⁴.

Студенты и конвой на вокзалѣ.

Рис. Источник: Сибирский. Отправка студентов в Сибирь. Женева: Издание Лиги русской социал-демократии, 1902

Сколько всего студентов было выслано в Сибирь в 1899–1902 гг.? Официальные источники не содержат обобщающих сведений. При этом количество ссыльных за 1899 г. даже ориентировочно не известно. В этот период студентов – «возмутителей порядка» – отправляли в основном на родину, по месту проживания родителей, стремясь «разрядить» обстановку в столицах. В 1901 г., как следует из приведенного выше официального материала, в Сибирь было выслано 26 студентов, в 1902 г. – 160 (95 и 65). И это только из Петербурга и Москвы. А еще «бунтовали» студенты Харькова, Киева, Казани, Одессы, Томска...

⁴ ПСЗРИ. Собр. третье. Т. I. 1 марта 1881 – 31 декабря 1881 г. С. 264–265.

О количестве студентов, высланных в пределы Иркутской губернии в 1899–1902 гг., также нет исчерпывающих сведений. Какие-то приблизительные подсчеты можно построить только на анализе косвенных данных, полученных, например, из ведомственной переписки жандармских и полицейских структур губернии. Так, 25 февраля 1903 г. начальник ИГЖУ полковник Левицкий «просил» иркутского полицмейстера капитана Никольского сообщить ему «по тщательно наведенным и возможно точным справкам» места водворения в Иркутске всех ссыльных бывших студентов и курсисток. В ответ полицмейстер указал, что таковых проживало в городе «за последнее время больше ста человек», и привел два списка, составленных на 19 марта и 12 мая 1903 г. В первом – 12, а во втором – 24, а всего, значит, 36 имен и фамилий. Это те из ссыльных, кто остался в Иркутске к этому времени⁵.

Из списков полицмейстера очевидно, что «бывшие студенты» поступали в пределы Иркутской губернии разновременно. Первыми в составе общих партий или следуя отдельно «на свой счет» по железной дороге в сопровождении жандармов сюда стали прибывать участники всероссийской стачки 1899 г. Из этой партии весной 1903 г. в Иркутске осталось совсем незначительное число ссыльных – девять человек. Это Н. Н. Горчаков, Б. Н. Камбек, А. Е. Коршунов, Х. Ф. Коршунов, А. В. Львов, В. Маньков, А. Г. Пулявский, П. В. Соколов и Б. Б. Шостакович. Все они «за государственное преступление, по Высочайшему повелению» были подчинены гласному надзору полиции, начиная с весны – лета 1899 г. и заканчивая серединой 1901–1902 гг., с последующей отдачей под специальный надзор полиции по избранному месту жительства в Европейской России еще на один год⁶.

Участники второй всероссийской студенческой забастовки поступали в Иркутскую губернию с первой половины 1901 г. В нашем списке таких осталось лишь пятеро: И. М. Гаккель, сын генерал-майора; А. Н. Лагутин, сын купца; А. А. Левинзон, проживавший в Верхоленске с 7 октября 1901 г.; бывший студент Киевского университета В. А. Ордынский, а также Г. А. Сахаров, бывший студент Санкт-Петербургского технологического института, находившийся весной 1903 г. в Иркутской тюрьме⁷.

Третья студенческая стачка в Европейской России принесла Сибири самое значительное количество ссыльных. Министром внутренних дел 7 марта 1902 г. было утверждено постановление Особого совещания о высылке под гласный надзор полиции на три года студентов, «уличенных в приготовлении или участии в уличных демонстрациях». Общее количество высланных в административном порядке также неизвестно, однако о масштабах карательных мер правительства можно судить по воспоминаниям И. Х. Лалаянца, соратника В. И. Ленина, агента «Искры», высланного в Восточную Сибирь в 1902 г. и оказавшегося в одном вагоне со студентами. Под псевдонимом Сибирский Лалаянец выпустил в Женеве в 1902 г. неболь-

⁵ ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2398. Л. 163–173.

⁶ Там же. Л. 165–166.

⁷ Там же. Л. 169–172.

шую книжку, в которой так описывал начало этого «невольного путешествия»: «... с 18 по 22 марта ежедневно, в одни и те же часы, по одному и тому же маршруту, через одни и те же пункты отправлялись в Сибирь (до Красноярска непрерывно) по 2–3 вагона политических ссыльных, главным образом, студентов и курсисток. Из этих пяти партий на долю московских студентов пришлось три, четвертая московская партия состояла из не студентов, и, наконец, шестую, проехавшую через Москву партию, составляли петербургские студенты» [17, с. 3].

Итак, как пишет Лалаянц, пять партий студентов в составе двух-трех вагонов... Если предположить, что в каждом вагоне было хотя бы по 20 человек, получим не менее 200–300 пассажиров. И это только высылаемые в Восточную Сибирь, скольких отправили на север России – не известно, но опять же можно предположить, что не меньше. Опираясь на все вышеприведенные сведения, сделаем заключение, что всего в Иркутской губернии в 1899–1903 гг. отбывало наказание не менее 300 «бывших студентов».

И. Х. Лалаянц живо описал и перипетии путешествия с высылаемыми студентами. Несмотря на стремление конвоя и жандармов всячески скрыть следование учащихся в ссылку, на крупных станциях, когда поезд делал остановку, вагоны со студентами быстро обступала «публика», состоящая в основном из «простолюдинов» и железнодорожных рабочих. Здесь возникали стихийные митинги, студенты пели революционные песни, выкрикивали лозунги «Долой самодержавие!» и «Да здравствует политическая борьба!», в поддержку арестантов звучали аплодисменты. И так все десять дней пути до Красноярска. В этом городе партии студентов высаживали из вагонов и отправляли в тюрьму. 30 марта, к примеру, на вокзале их встречали «тысячи» красноярцев, устроивших «целое триумфальное шествие» по городу с пением революционных песен и красными флагами [13, с. 49].

В Красноярске высылаемых задержали на целый месяц. Здесь формировали партии в Иркутск и дальше на север, в Якутскую область. По воспоминаниям Лалаянца, арестантов содержали «в ужасающей грязи, тесноте и других антиинтеллигентских условиях», приходилось спать на голых нарах, «без каких бы то ни было постельных принадлежностей» [17, с. 22]. Известный студент писал в «Искру» 2 апреля 1902 г. из Красноярска: «Москвичей здесь много и их уже развозят на места жительства, около 30 ч. из них отправляют в Якутскую область, 6 курсисток отправляются туда на 4 года. Только здесь можно понять, что это значит... Двое из москвичей – один студент и одна курсистка – заболели тифом. Их посадили в больницу, но ухода за курсисткой почти не было... Студент очень плох... Пищу дают гнилую даже для больных»⁸.

В апреле – начале мая студентов доставили в Александровскую центральную пересыльную тюрьму, располагавшуюся в селе Александровском, в 65 верстах от Иркутска. Политические ссыльные Восточной Сибири, следовавшие к месту поселения в Якутск или Забайкалье, хорошо знали это

---

⁸ Искра. 1902. № 22. С. 3–4.

пенитенциарное учреждение: если партия арестантов по каким-то причинам попадала сюда в межсезонье – поздней осенью до установления зимнего пути по Лене и Байкалу или, наоборот, весной – до открытия дороги по воде, это означало, что в деревянных бараках этой «пересылки» придется провести в томительном ожидании два-три месяца.

Вот и студенты третьей партии поступили в Александровскую тюрьму в 1902 г. в такой же период: нужно было ждать как минимум до середины мая, чтобы двинуться в «Якутку» или на Нерчинские прииски. Конечно же, оставаться здесь столь значительный срок никто не хотел, и в апреле арестанты взбунтовались: бревнами перекрыли вход во внутренний двор пересылки, водрузили на эту баррикаду красный флаг со словом «свобода» и выдвинули несколько требований, главнейшим из которых было немедленное отправление по местам причисления. Советские исследователи инициативу и руководство этим актом неповиновения однозначно приписывали Ф. Э. Дзержинскому, который прибыл сюда еще 28 февраля 1902 г.⁹ Именно он, по утверждению, например, политического ссыльного, участника тех событий И. С. Урысона, возглавил выборную «диктаторскую тройку» «огороженной частоколом независимой республики», руководил выдвижением требований, организацией внутренней жизни арестантов [16, с. 10].

Скорее всего, выдвижение Дзержинского в руководители «восстания» не соответствует действительности: гораздо обоснованнее предположить, что именно «наши» «бывшие студенты», хорошо организованные и более динамичные, и стали инициаторами, руководителями и активными участниками этого протеста – после двухдневных переговоров с начальником тюрьмы либеральным И. И. Лятоскевичем (бывшим ссыльным «по польскому делу 1863 г.») и иркутскими губернскими чиновниками было достигнуто соглашение о «как можно незамедлительной» отправке «политиков» по местам причисления. «Через два дня, – как пишет Сибирский-Лалаянц, – партия с громким пением, вместе с уголовными, сопровождаемая через все село местным населением, очень определенно выражавшем свое глубокое сочувствие политическим, покинула пересыльную тюрьму» [17, с. 24–25]. Следует здесь отметить, что сам Дзержинский был отправлен из Александровского с партией лишь 12 мая, а уже 12 июня совершил побег из Верхоленска¹⁰.

Из Александровского часть ссыльных студентов на телегах повезли до Качуга, оттуда водой в Якутск и дальше по области. Несколько человек, по всей видимости, «проследовали» за Байкал, остальные были распределены в пределах Иркутской губернии. Больше сорока человек остались в Нижнеудинске и Нижнеудинском уезде, несколько – в Балаганске и Тунке, значительная часть осела все же в Иркутске. Как следует из вышеупомянутых списков иркутского полицмейстера, в Киренский и Верхоленский уезды, самые суровые по климатическим условиям и отдаленные от благ цивилизации, не было назначено ни одного студента. Таким образом, абсолютное большинство ссыльных находилось в сравнительно теплых, тяготевших к

⁹ ГАИО. Ф. 245. Оп. Оц. Д. 75. Л. 28.

¹⁰ Там же. Л. 139 а.

Иркутску районах губернии. Если учесть, что конкретное распределение ссыльных внутри губерний и областей Департамент полиции всегда оставлял за местной администрацией, олицетворявшей высшую распорядительную и исполнительную власть, можно предположить, что А. И. Пантелеев, иркутский военный генерал-губернатор с апреля 1900 по май 1903 г., совершенно сознательно определил для «бывших студентов» южные и наиболее заселенные уезды подвластной ему территории. Это тем более удивительно, если иметь в виду, что именно Пантелеев с февраля 1897 по апрель 1900 г. занимал должность помощника, а затем и командира Отдельного корпуса жандармов [3, с. 120], т. е. по долгу службы руководил подавлением забастовочного движения тех же самых студентов в Европейской России. По всей видимости, назначая студентам «льготные места» для поселения, генерал-губернатор выполнял все-таки предписание свыше.

«Возмутители общественного спокойствия»

Для «бывших студентов» началось испытание административной ссылкой. Ее сроки были невелики, составляя в основном два или три года. Водворившись на место «отбытия» гласного полицейского надзора, они должны были получать ежемесячное денежное пособие от казны. Как правило, для Иркутской губернии это 114 руб. в год на одного не обремененного семьей человека¹¹. Оформление пособия требовало значительного времени: губернская тюремная инспекция запрашивала администрацию той губернии, откуда прибыл ссыльный, действительно ли он не имеет источников существования, и, получив утвердительный ответ, обращалась в канцелярию иркутского генерал-губернатора за соответствующим разрешением, и только после этого пособие могло быть начислено. На такую волокиту уходило несколько месяцев. В этом случае ссыльный мог рассчитывать только на себя и помощь окружающих.

Следует сказать, что отношение иркутян к политическим ссыльным, в том числе и к студентам, было весьма доброжелательным, ведь продолжительное время обширный регион, не имея своих высших учебных заведений, отправлял молодых людей на учебу в Москву и Петербург. С 1884 г. в столице существовало общество содействия учащимся сибирякам. О размахе «содействия» свидетельствует отчет за 1901 г.: общество выдало ссуд и пособий учащимся из 20 мужских и женских заведений на сумму 12 794 руб., в обществе насчитывалось более 300 членов, а основной капитал превышал 24 тыс. руб.¹² В конце XIX в. в Иркутске возникло несколько подобных обществ. Наибольшими симпатиями иркутян пользовалось Общество помощи учащимся в Восточной Сибири. Иркутское находилось в тесной связи с Петербургским, Московским и Томским и оказывало большую поддержку учащимся и студентам. Как вспоминал И. И. Попов, «...в этом обществе был объединен весь Иркутск. Не быть членом общества считалось дурным тоном» [15, с. 66].

¹¹ ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 8. Л. 14.

¹² Восточное обозрение. 1902. № 5. С. 3.

Очевидно, что подобная помощь «своим» студентам, обучавшимся в столицах, проецировалась и на участников всероссийских студенческих забастовок 1899–1902 гг. Свидетельством тому служит, например, ставший известным жандармам благотворительный вечер, проведенный 6 декабря 1901 г. в Иркутске в доме Второва, сбор от которого предназначался «в пользу исключенных студентов Харьковского ветеринарного института». Было установлено, что организаторами вечера выступили М. А. Цукасова, а также «Громов, Манн, доктор Ромм, Рыхлинский, Маркевич, доктор Мандельберг». «Сколько было собрано денежных средств за этот весь вечер и куда они поступили, Цукасова не объяснила», – так было отмечено в сводке ИГЖУ по г. Иркутску¹³.

Как видим, отношение иркутян к «нашим» ссыльным было как минимум сочувственным. В свою очередь, и студенты весьма органично влились в общественное движение, придав ему необходимую остроту, динамизм и организацию. В 1899 г. в Иркутскую губернию были высланы 10 участников февральской забастовки в Томском императорском университете, среди которых особенно выделялся В. М. Бронер. По данным А. П. Мещерского, студентам совместно с доктором И. М. Роммом удалось организовать несколько кружков среди служащих почтово-телеграфной конторы Иркутска и управления Забайкальской железной дороги, приказчиков, учеников старших классов гимназии и учительской семинарии [10, с. 203].

Прямым результатом влияния ссыльных студентов следует считать крупную забастовку иркутских семинаристов, начавшуюся в феврале 1901 г. Учащиеся семинарии выступили против сложившихся здесь порядков, «атмосферы шпионства», оскорблений и унижений семинаристов со стороны преподавателей. При этом в издаваемом рукописном журнале «Забастовка» к числу основных причин волнений воспитанники относили то, что общество не контролирует семинарии, в них слабый состав преподавателей, очень велика власть ректора, развито фискальство, а кроме того, ученики плохо одеты и всегда голодны [6, с. 52].

В марте 1901 г. семинария была временно закрыта, занятия возобновились в начале апреля, хотя к ним приступили только 35 воспитанников, остальные не подали прошений о приеме. 10 апреля за городом состоялась сходка семинаристов, в которой участвовало от 50 до 70 человек. По агентурным сведениям, на сходке было решено проникнуть в здание семинарии, «произвести там разгром и воспрепятствовать продолжать занятий». Во исполнение этого решения 16 апреля в квартире ректора были разбиты стекла, а 20 апреля 1901 г. 16 бывших семинаристов, одолев ограду возле здания, ворвались в классы и потребовали прекращения занятий. Как констатировал начальник Иркутского ГЖУ, «...описанный случай в семинарии произвел заметное впечатление на местное общество, но, по-видимому, не встретил порицаний» [Там же, с. 53].

---

¹³ ГАИО. Ф. 91. Оп. Оц. Д. 44. Л. 169–169 об.

Ссылные студенты принимали деятельное участие и в выпуске нелегальных изданий местных социалистов – рукописного журнала «Окраина», первый номер которого распространялся в Иркутске в августе 1902 г. [5, с. 146], и гектографируемой газеты «Крамola». В написании и составлении материалов были замечены также учащиеся мужской гимназии, промышленного училища и семинаристы. Издания выходили непериодически и прекратили свое существование в 1903 г. [8, с. 27, 29].

В конце сентября 1902 г. в Иркутске была распространена прокламация по поводу забастовки и демонстративного шествия красноярских рабочих, призывавшая иркутян поддержать выступление своих соседей. Листовка была составлена местными социал-демократами, однако в ходе следствия полиция обыскала и арестовала около десяти бывших студентов, не без основания подозревая их в составлении и распространении и этой «нелегальщины»¹⁴. При обыске у бывшего студента Томского университета Н. М. Добронравова, служившего конторщиком на Забайкальской железной дороге, был обнаружен запрещенный журнал «Заря», а сам Добронравов заподозрен в пропаганде среди рабочих¹⁵.

Можно с уверенностью сказать, что и оформление иркутской организации РСДРП было ускорено активным участием ссылных студентов. Известно, что слияние иркутских кружков в комитет произошло с помощью Сибирского социал-демократического союза, созданного по инициативе томской группы В. Е. Воложанина во второй половине 1900 г. В руководящем центре союза, помимо прочих, активно работал бывший студент А. А. Богословский, состоявший в Иркутске под гласным надзором полиции и также служивший на Забайкальской железной дороге. Он принимал участие в издании и распространении нелегальной литературы, в создании пропагандистских кружков среди рабочей и учащейся молодежи города. Через него Сибирский союз получал нелегальную литературу из-за границы, поддерживал связи с Читой и Красноярском [7, с. 20].

Пропагандой антиправительственных идей среди рабочих железной дороги весной 1901 г. занималась К. Н. Самойлова (Громова), которая за участие в студенческих демонстрациях в Петербурге в феврале 1901 г. была исключена из состава слушательниц Бестужевских курсов и после непродолжительного тюремного заключения выдворена из столицы в Иркутск – место жительства родителей. В апреле 1901 г. в Иркутск из якутской ссылки приехал В. Ф. Горин-Галкин. Летом 1902 г. он и Самойлова вступили в переговоры с «социал-демократической группой Иркутска», в результате чего образовался Иркутский комитет РСДРП. В состав комитета первоначально входили как «местные» ссылные – В. Ф. Горин-Галкин, И. М. Ромм, И. И. Шиллингер, В. Е. Мандельберг, так и «бывшие студенты» – А. А. Богословский, А. Ф. Агарев из Томского университета и К. Н. Самойлова [11, с. 81]. В 1902 г. в иркутскую организацию влились новые «бывшие студен-

---

¹⁴ Искра. 1902. № 28.

¹⁵ ГАИО. Ф. 601. Оп. 1. Д. 9. Л. 16 об.

ты» – Г. И. Бокий¹⁶ (Петербургский горный университет) и В. А. Гутовский (Юрьевский ветеринарный институт). В 1902 г. Гутовский был выслан в Красноярск за принадлежность к Союзу борьбы за освобождение рабочего класса, затем переехал в Иркутск, где стал одним из организаторов Сибирского социал-демократического союза, вел активную конспиративную работу среди иркутян на платформе «Искры». В 1903 г. он перешел на нелегальное положение, в сентябре 1904 г. выехал за границу для передачи резолюции Сибирского союза в поддержку созыва третьего съезда, где примкнул к меньшевикам [12, с. 86].

Любопытный документ, касающийся супруги В. А. Гутовского, был обнаружен нами в ГАИО. Так, начальник ИГЖУ в ноябре 1903 г. извещал военного генерал-губернатора, что «Мария Гутовская исключительно занята изучением и преследованием лиц, ведущих наблюдение за политически-неблагонадежными – ознакомившись с некоторыми из филеров Охранного отделения, она позволяет себе дерзко бранить их, указывая на них своим знакомым». Руководитель жандармской службы, признавая «оставление супругов Гутовских в Иркутске нежелательным и вредным», предлагал их как можно быстрее выслать из города¹⁷.

Часть студентов тяготели к социалистам-революционерам. Так, например, иркутские жандармы располагали сведениями, согласно которым в июле 1901 г. на квартире «патриарха» иркутской колонии, организатора партии Народного права, а затем «видного» работника эсеровской организации М. А. Натансона в с. Лиственничном устраивались «какие-то подозрительные собрания всех поднадзорных, живущих в означенном селе и других неизвестных лиц, приезжавших из Иркутска и окрестных сел Култука и Тунки. Эти собрания совпали с пребыванием в с. Лиственничном, с 9 по 27 июля студентов Александра Лянды и Давида Рахбаума». Когда же Натансон переехал в Иркутск, вокруг него «стали группироваться лица политически неблагонадежные», в том числе «состоявший под наблюдением бывший студент Томского университета Сухоруков, уволенный за участие в беспорядках»¹⁸.

Вместе с тем большая часть ссыльных студентов, по всей видимости, не определилась с выбором политической партии. Для решения этого важного вопроса, а также для выработки единой стратегии в отношении возможной амнистии, слухи о которой упорно циркулировали в обществе, студенты провели в Иркутске летом 1902 г. «нелегальный съезд». Где и когда проходило это собрание, каким образом происходили выборы делегатов, жандармские службы не зафиксировали. Иркутская пресса по упомянутым

---

¹⁶ Глеб Иванович Бокий в 1921–1937 гг. возглавлял Спецотдел ВЧК-ОГПУ-НКВД, позже переименованный в 9-й отдел ГУГБ НКВД СССР – криптоаналитическое подразделение, занимавшееся защитой секретной информации и ведавшее вопросами шифрования и дешифрования сообщений. Необоснованно обвинен в контрреволюционной деятельности, репрессирован и расстрелян в 1937 г.

¹⁷ ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 406. Л. 27.

¹⁸ Там же. Оп. Оц. Д. 184. Л. 1, 2.

выше причинам также умолчала об этом событии. Несколько строк посвятил съезду Г. И. Крамольников, однако и он не указал ни даты, ни места его проведения. Как писал Григорий Иннокентьевич, многие студенты, выступавшие на съезде, имели «весьма неясные представления о существовании споров между марксистами и народниками». Некоторые слышали о книгах Г. В. Плеханова, однако «питались неперевавшими пересказами “Критических заметок” П. Б. Струве» [8, с. 29].

Лидером собравшихся студентов Крамольников посчитал Ираклия Церетели, «который и выступил на съезде с докладом». Следует здесь упомянуть, что И. Г. Церетели имел самый длительный – пятилетний срок административной ссылки. За облегчение его участи хлопотал предводитель московского дворянства князь Трубецкой: он добился разрешения на перевод Церетели в Тифлис, но тот решительно отказался от царской милости. По этому поводу среди ссыльных студентов разгорелись жаркие споры, следует ли пользоваться результатами таких протекций, при этом студенты так и не пришли к единому мнению¹⁹.

Кроме И. Г. Церетели, Крамольников называет «многих, ставших потом видными работниками обеих фракций»: большевиков Урысона, Позерна, Савкова, Радус-Зеньковича, Бокия, Переса; меньшевиков Соболевского, Колокольниковца, Икова; «тяготевших» к эсдекам Киселева, Ильина, Мельникова. Из эсеров отмечает В. Бибергаля, отдельно выделяет «будущего артиста Художественного театра Массалитинова». Из воспоминаний трудно понять, что же решил съезд. Г. И. Крамольников пишет об этом неопределенно: предложено было принять амнистию, если она будет для всех, но при этом иметь в виду, что «это маневр царизма»; затем вернуться в Россию, где «закончить чисто академическую борьбу и начать вести политическую под красным знаменем социал-демократии». Такая резолюция и была принята. Ее одобрил и социал-демократический союз, и Иркутский комитет [8, с. 31].

Как видим, политическая жизнь в Иркутске благодаря студентам была ключом, была весьма насыщенной и событийной. Масло в огонь в августе 1902 г. подлил приезд в город «его сиятельства господина товарища министра внутренних дел и командира отдельного корпуса жандармов князя П. Д. Святополк-Мирского».

Князь П. Д. Святополк-Мирский: «миссия невыполнима»

Газетная хроника так осветила визит сановника: 18 августа в 4 часа дня князь прибыл на станцию Иннокентьевскую, где был встречен губернатором И. П. Моллериусом. Далее, на станции Иркутск, его сиятельство ожидали местные власти: вице-губернатор В. Н. Булатов, начальник Сибирского жандармского округа генерал-майор С. А. Демидов, городской голова Б. П. Шостакович, жандармские офицеры и другие чины. Со Святополк-Мирским прибыли: начальник помощника штаба Отдельного корпуса жандармов ротмистр Старов, старший врач Главного управления Отдельного

---

¹⁹ Революционная Россия. 1902. № 11. С. 21.

корпуса жандармов действительный статский советник Гринев, секретарь командира Отдельного корпуса жандармов коллежский асессор Гоппе и делопроизводитель Департамента полиции действительный статский советник П. К. Лерхе. В поездке по линии Сибирской железной дороги товарища министра сопровождал начальник Жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги князь М. В. Волконский²⁰.

На следующий день Святополк-Мирский в доме Колыгиной на Большой улице принимал начальников отделений Иркутского губернского управления, начальников учреждений ведомства внутренних дел и желающих представиться его сиятельству служащих иных ведомств, а 20 августа вечером, сопровождаемый Моллериусом, отбыл на Байкал, 21-го же выехал обратно и 22 проследовал через Иркутск, «не имея продолжительной остановки»²¹.

По прочтении этой хроники может сложиться впечатление, что Святополк-Мирский приехал в Иркутск посмотреть красоты озера-моря, однако был непредвиденно и срочно отозван в Петербург. На самом деле это не так: князь выполнял особую миссию – ему следовало уговорить взбунтовавшихся студентов подать прошения о помиловании на высочайшее имя и вернуть их в учебные аудитории. И делалось это отнюдь не из-за сочувствия к молодым, образованным людям, оказавшимся в «чуждой им среде», а для того, чтобы успокоить общественное возмущение недалеководной политикой правительства.

6 августа Святополк-Мирский прибыл в Красноярск, 16 был в Нижнеудинске, а 18 августа – в Иркутске. Повсюду ко дню приезда князя студентов вызывали из деревень и сел, по которым они были распределены, и концентрировали в городах. В Ачинске, Красноярске и Канске студенты на приглашение явились, но на все вопросы отвечали молчанием. В Нижнеудинске собралось около 40 человек, которые затем решили вообще не идти на встречу со Святополк-Мирским. Так и поступили за редким исключением, и князь напрасно ждал студентов несколько часов в Общественном собрании²².

Со слов И. Х. Лалаянца, беседы Святополк-Мирского происходили следующим образом: «главный жандарм» вызывал студентов по одному и говорил, что наверняка «сибирские морозы охладили пылкие сердца» молодых людей, а потому им следовало бы вернуться в Россию, по своим учебным заведениям, надо только «дать честное слово больше не выпускать прокламаций». Абсолютное большинство студентов и курсисток отказывались вообще отвечать на вопросы и предложения князя, поэтому в основном «аудиенции продолжались минуты 2–3». Везде настрой студентов был одним и тем же: «Мы не вернемся в Россию, если не будут возвращены все наши товарищи вместе, при этом мы не принимаем никаких условий и не даем никаких обещаний» [17, с. 32–33].

Как проходила встреча Святополк-Мирского со студентами в Иркутске, неизвестно. Лалаянец об этом знать не мог, так как бежал накануне из Бала-

²⁰ Иркутские губернские ведомости. 1902. 20, 23 авг.

²¹ Восточное обозрение. 1902. № 197.

²² Революционная Россия. 1902. № 12. С. 19.

ганска. Можно только предположить, что переговоры и здесь не дали никаких результатов, – вот и причина быстрого отъезда князя из города. Студенты, отбывавшие наказание в Якутске, вообще отказались ехать в Иркутск на встречу со Святополк-Мирским (за исключением троих) и отправили телеграмму на имя министра внутренних дел такого содержания: «Нижеподписавшиеся студенты, сосланные в Якутск, не желая идти навстречу предложениям правительства, предпочитаем остаться в местах настоящего водворения». «Итак, амнистии мы не заслужили, – писал в эсеровскую газету неизвестный корреспондент. – Впрочем, начальство не теряет надежды уговорить нас. Нас весьма настойчиво убеждают, чтобы мы, даже не заикаясь о помиловании, просто писали, что желаем учиться»²³.

Несмотря на провал миссии Святополк-Мирского, правительству, чтобы отнять у студентов вузов центра страны повод к продолжению активных протестов в новом учебном году, пришлось все же объявить о масштабном помиловании их ссыльных товарищей. Уже 13 сентября 1902 г. высочайше было повелено всех сосланных в Сибирь за участие в волнениях 1901 г. разделить на три категории. В первую были включены лица (14 мужчин и 3 женщины), которые немедленно освобождались от всякого надзора полиции, однако до 1 июля 1903 г. им запрещалось жительство в столицах империи. Принадлежавшие ко второй категории (32 мужчины и 8 женщин) оставались в Сибири до 1 июля 1903 г., однако могли избрать себе жительство в Европейской России вне университетских городов, если «по семейным и родственным отношениям перевод их представляется возможным». Причисленные к третьей категории (50 мужчин и 7 женщин) освобождались из Сибири 1 июля 1903 г. с оставлением под гласным надзором полиции на срок до 1 марта 1904 г.²⁴

Высочайшее «повеление» от 13 сентября 1902 г. было встречено в среде студентов неоднозначно. Первая категория почти целиком уехала из пределов Сибири. По вопросу о том, как отнестись к предлагаемому сокращению сроков и возвращению в Россию, оставшаяся студенческая публика, как писала «Искра», «сильно раскололась: сказать в точности, за что стоит большинство, – трудно». Одни горячо приветствовали помилование и с нетерпением ждали возвращения на родину, другие выступили против принятия «царской милости». Именно последние взяли на себя инициативу опросить оставшихся, подсчитать голоса за и против и, «если будет большинство, послать отказ», требуя тем самым «сравнения» II и III категорий и возвращения всех. Среди опрошенных оказались и такие, кто «выделился совершенно», заявив, что им теперь до студенчества «нет дела». Другие, наоборот, были склонны считать себя «авангардом и студенческо-политической партией»²⁵.

Студенты, по всей видимости, провели еще несколько собраний, где обсуждали создавшееся положение и пытались выработать единую пози-

²³ Революционная Россия. 1902. № 12. С. 19.

²⁴ Искра. 1902. № 29.

²⁵ Там же. № 30.

цию. Между тем правительство пошло в своих уступках еще дальше: из Департамента полиции было получено разрешение «всем бывшим студентам остаться в Иркутске, безразлично от места их водворения»²⁶. Затем им было дозволено поступать на государственные должности и заниматься педагогической деятельностью, что раньше не допускалось категорически и строго контролировалось. «Распространяется ли этот циркуляр на всех политических ссыльных, – писала «Революционная Россия», – пока не известно». Но, к примеру, «из Якутска сообщалось, что ссыльный Урицкий (по делу Киевского «Вперед») занял место волостного писаря, а инженер Попов (прибыл весной из Москвы, был арестован в связи с Н. К. Паули), занимает место окружного архитектора»²⁷.

Наконец 6 декабря 1902 г. в Иркутске и Якутске была получена правительственная телеграмма об окончательной и безусловной амнистии всех «бывших студентов». На этот раз амнистия была принята, и студенты отдельными группами двинулись к Иркутску. По возвращении им были оказаны «милости», которыми не удостаивались «обычные» политические: студентов снабдили деньгами для приобретения теплой одежды, им выдали «прогонные» на почтовые тройки, вместо того чтобы отправить их на «обывательских» крестьянских повозках. Ссыльные съехались в Иркутске, и тут возникла, как писала «Искра», «новая история». У нижеудинцев были произведены обыски, обнаружена нелегальная литература и устав кассы взаимопомощи. В итоге пятеро студентов были арестованы и заключены в Иркутскую тюрьму. Ссыльные потребовали освобождения своих товарищей, но безуспешно. Тогда часть студентов решила в знак протеста отказаться вернуться на родину и остаться в Иркутске²⁸.

В конце декабря в Иркутске сосредоточилось несколько десятков амнистированных студентов. Самые активные продолжили заниматься нелегальной деятельностью. Характерный пример этому утверждению – известный случай, произошедший на лекции Н. И. Кулябко-Корецкого 13 января 1903 г. В этот день в зале Иркутского общественного собрания, где присутствовало более тысячи человек, после лекции по истории Франции бывшие студенты, как сказано в полицейской сводке, «произвели противоправительственную демонстрацию»: студент Киселев вышел на эстраду и, выкрикнув «Тише, слушайте!», зачитал приветственный адрес, в котором выразил благодарность от всех студентов за прочитанные лекции о революциях в европейских государствах, сказав, что лектор «разбудил в умах живую память о борцах, которые бесстрашно погибали за свободу», и что знакомство с историей политического движения в других странах «было тем более своевременным, что и в нашем государстве стеснена свобода»²⁹.

Публика остановилась и слушала, а когда помощник полицмейстера Драгомиров попытался прервать чтение, то со всех сторон раздались крики:

²⁶ ГАИО. Ф. 25. Оп. Оц. Д. 184. Л. 54.

²⁷ Революционная Россия. 1902. № 11. С. 21.

²⁸ Искра. 1902. № 35. С. 7.

²⁹ ГАИО. Ф. 600. Оп. Оц. Д. 11. Л. 83–84.

«Вон, долой», – и с галерки «посыпались листочки» с напечатанными на них словами: «Долой царское самодержавие. Да здравствует социализм. Да здравствует политическая свобода. Иркутский комитет Сибирского социал-демократического союза»³⁰.

Через несколько дней после «демонстрации» полиция обнаружила и пресекла распространение в городе прокламаций. Для их изготовления использовался гектограф, а копии делались от руки и на «пишмашине». Шесть экземпляров даже были отправлены по почте в адрес конкретных горожан и назывались «К иркутянам», для того чтобы ознакомить всех не присутствовавших на лекции с происшедшими там событиями. По всей видимости, в Иркутске распространялся и текст самого адреса, так как несколько экземпляров были сорваны полицией со столбов и заборов по Тихвинской улице, перед зданием Промышленного училища, а также по Харинской и Дворянской³¹. Сам же студент М. С. Киселев, незаметно покинувший здание Общественного собрания, несколько дней скрывался у А. М. Станиловского, консерватора музея ВСОИРГО, также бывшего студента Казанского университета, сосланного в Иркутск под надзор полиции³².

Губернская администрация, обеспокоенная такой активностью, пыталась избавиться от «нашествия» студентов по-своему. Так, например, губернатор Моллериус 18 января 1903 г. писал иркутскому военному генерал-губернатору: «Разрешение Департамента полиции бывшим студентам остаться в Иркутске, безразлично от места их водворения, имеет своим последствием небывалое скопление в Иркутске ссыльных по государственным преступлениям. Это скопление делает их склонными к различным противодействиям администрации, доходящим до запрещений под угрозой насилия» входить в занимаемые ими квартиры. Губернатор «в интересах населения города Иркутска» полагал бы всех бывших студентов и курсисток, отказывавшихся возвратиться в пределы Европейской России, выдворить из города в места, изначально назначенные, а студентам, возвращающимся в Европейскую Россию из Якутской области, предлагать немедленно продолжать свой путь, а при неисполнении этого требования «высылать их на место родины при партиях», т. е. этапным порядком³³.

«Бывшие студенты» попали и под пристальное внимание Иркутского ГЖУ. По просьбе жандармов полицмейстер постарался изложить свои соображения по поводу их влияния на местное общество, особенно на учащуюся молодежь. Никольский указал, что «в общежитейском смысле, студенты вполне приличны, живут скромно». А вот их «влияние страшно вредно действует на местное население», что хорошо заметно по учащимся: здесь стали замечаться «какое-то бравирование поступками в виде неповиновения своему начальству и полиции», потеря должного уважения и почтения. В особенности это проявляется в мужской гимназии и духовной семинарии.

---

³⁰ ГАИО. Ф. 600. Оп. Оц. Д. 11. Л. 86.

³¹ Там же. Л. 86.

³² Там же. Ф. 601. Оп. 1. Д. 9. Л. 7.

³³ Там же. Ф. 600. Оп. Оц. Д. 11. Л. 55.

«До появления ссыльных студентов, – заключал полицмейстер, – в Иркутске ничего подобного не было». Теперь же «город стал очагом социализма»³⁴.

По мысли полицмейстера, Иркутск никогда не испытывал такого наплыва ссыльных: если прежде здесь проживало не более 40–50 человек поднадзорных, то в 1901 г. эта цифра возросла до 100 человек, а в минувшем году составляла не менее 125. По общему же подсчету оказалось, что с 1 января по 8 марта 1902 г. числилось на постоянном жительстве и временно поселившихся в Иркутске 223 человека, да кроме этого, чрез Иркутск прошло в ссылку и обратно в Россию более 40 человек. Эти лица «домогались» разрешения на временное проживание в Иркутске под предлогом болезни, подыскания заработка, а когда истекал срок разрешений, то силились остаться в городе на более продолжительное время, и так образовывались целые группы, размещавшиеся нередко на одной квартире. Таким образом, еще раз подчеркивал Никольский, «город незаметно обратился в место централизации приверженцев социализма»³⁵. Ситуация стала меняться в лучшую сторону лишь в первой половине 1903 г. – с отъездом основной массы амнистированных студентов в Европейскую Россию.

Краткие выводы

В 1899–1901 гг. центр России был охвачен масштабными студенческими выступлениями, вызванными стремлением молодежи добиться реально-го, а не мнимого самоуправления, расширения прав и независимости университетов, улучшения качества образования. Вместо диалога с учащимися государство в административном порядке выслало активистов движения в Сибирь, по преимуществу в восточную ее часть, однако, опасаясь роста и расширения недовольства в самых широких кругах российского общества, вынуждено было объявить им амнистию.

Около трехсот «бывших студентов» в 1899–1903 гг. были сосланы в пределы Иркутской губернии. Они отбывали наказание в основном в южных уездах губернии, их судьба вызывала сочувствие и поддержку у сибиряков. Самая активная часть приняла деятельное участие в создании леворадикальных общественных и партийных социалистических формирований Иркутской губернии. Их пребывание в Иркутске пришлось на переходный период от народничества к марксизму. Народничество превратилось по большей части в либеральное движение, а социалисты еще не заявили о себе как самостоятельные партии. В этой ситуации бывшие студенты сыграли роль весьма примечательную, дав силы затухающему народничеству и робкому, еще во многом неорганизованному социал-демократическому и эсеровскому движениям.

---

³⁴ ГАИО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 2398. Л. 167.

³⁵ Там же. Л. 168 об.

Молодой возраст, корпоративный дух, хорошее образование, дававшее возможность сравнить «общественный строй» в России и за рубежом и питавшее стремление «освободить» свою страну, немалый опыт открытой забастовочной борьбы с правительством за свои права, склонность к коллективным формам протеста и радикальным методам движения, а также закалка, полученная административной ссылкой в Сибирь, – все это делало студенчество серьезным противником не желавшего «отвечать на вызовы времени» государства.

Список литературы

1. *Выдрин Р.* Основные моменты студенческого движения в России. М. : Студенческий голос, 1908. 86 с.
2. *Гусятников П. С.* Революционное студенческое движение в России. 1899–1907. М. : Мысль, 1971. 264 с.
3. *Дамешек Л. М.* Институт генерал-губернаторов Азиатской России и его особенности. Иркутск : Оттиск, 2011. 128 с.
4. *Иванов А. Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М. : Акад. наук СССР, 1991. 392 с.
5. Иркутская летопись 1661–1940 / сост. Ю. П. Колмаков. Иркутск : Оттиск, 2003. 847 с.
6. *Иценко О. В.* О причинах волнений в духовных семинариях Сибири начала XX в. // Уральский исторический вестник. 2008. № 4. С. 49–58.
7. *Кабацкий Н. И.* К вопросу о возникновении, составе и структуре Иркутского комитета РСДРП (1901–1904 гг.) // Труды Иркутского политехнического института. Вып. 22. Серия общественных наук. Иркутск : Иркут. политехн. ин-т, 1964. С. 17–24.
8. *Крамольников Г. И.* О подпольной работе в социал-демократических организациях Сибири // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1967. Вып. 4. С. 3–50.
9. *Ленин В. И.* Отдача в солдаты 183-х студентов // Искра. 1901. № 2.
10. *Мещерский А. П.* Первые марксисты в сибирской ссылке. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1970. 221 с.
11. *Мещерский А. П., Щербаков Н. Н.* В. И. Ленин и политическая ссылка в Сибири (конец XIX в. – 1917 г.). Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 176 с.
12. *Ноздрин Г. А.* Гутковский Викентий Аникетович // Общественно-политическая жизнь Сибири в конце XIX – начале XX в. / под ред. М. В. Шиловского. Новосибирск : Параллель, 2019. 398 с.
13. Очерки истории Красноярской партийной организации / гл. ред. В. П. Сафонов. Красноярск : Краснояр. кн. изд-во, 1967. Т. 1. 408 с.
14. *Пайнс Р.* Русская революция. Кн. 1: Агония старого режима. 1905–1917. М. : Издат. Захаров, 2005. 307 с.
15. *Попов И. И.* Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.
16. *Сергеев А.* Восстание в Александровском центре // Огонек. 1926. № 33. С. 10–11.
17. Сибирский. Отправка студентов в Сибирь. Женева : Изд. Лиги рус. социал-демократии, 1902. 37 с.

How Irkutsk Became a “Hotbed of Socialism” or About the Exile of Students to the Irkutsk Province in 1899–1903

A. A. Ivanov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the students of higher educational institutions of the center of Russia, who were expelled by the administrative order to the Irkutsk province for their active participation in the protest movement of 1899–1902, aimed at expanding the independence of universities and real, rather than formal, student self-government. Despite the lack of documentary and historiographic sources, the author determined the number and geography of the placement of “former students” in places of exile, showing the main forms of their participation in the local opposition movement. It is concluded that exiled students played a significant role in the design and development of left-wing radical organizations in Irkutsk in the late 19th – early 20th centuries.

Keywords: Political exile, anti-government demonstrations, “former students”, Irkutsk province, opposition movement.

For citation: Ivanov A.A. How Irkutsk Became a “Hotbed of Socialism” or About the Exile of Students to the Irkutsk Province in 1899–1903. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 37, pp. 17-37. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.37.17> (in Russian)

References

1. Vydrin R. *Osnovnye momenty studencheskogo dvizheniya v Rossii* [Highlights of the student movement in Russia]. Moscow, Student Voice Publ., 1908, 86 p. (in Russian)
2. Gussyatnikov P.S. *Revolucionnoe studencheskoe dvizhenie v Rossii. 1899-1907* [Revolutionary student movement in Russia. 1899-1907]. Moscow, Think Publ., 1971, 264 p. (in Russian)
3. Dameshek L.M. *Institut general-gubernatorov Aziatskoj Rossii i ego osobennosti* [Institute of Governor-Generals of Asian Russia and its features]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2011, 128 p. (in Russian)
4. Ivanov A.E. *Vysshaya shkola Rossii v konce XIX – nachale XX veka* [Higher school of Russia in the late 19th – early 20th century]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1991, 392 p. (in Russian)
5. *Irkutskaj letopis' 1661-1940* [Irkutsk Chronicle 1661-1940]. Sost. Yu.P. Kolmakov. Irkutsk, Ottisk Publ., 2003, 847 p. (in Russian)
6. Ishchenko O.V. *O prichinah volnenij v duhovnyh seminarijah Sibiri nachala XX v.* [On the causes of unrest in theological seminaries of Siberia at the beginning of the twentieth century]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2008, no. 4, pp. 49-58. (in Russian)
7. Kabatsky N.I. K voprosu o vozniknovenii, sostave i strukture Irkutskogo komiteta RSDRP (1901–1904 gg.) [To the question of the origin, composition and structure of the Irkutsk Committee of the RSDRP (1901–1904)]. *Proceedings of the Irkutsk Polytechnic Institute. Social Science Series*. Irkutsk, Irkutsk Polytechnic Institute Publ., 1964, iss. 22, pp. 17-24. (in Russian)
8. Kramolnikov G.I. O podpolnoj rabote v social-demokraticeskikh organizacijah Sibiri [On underground work in the social democratic organizations of Siberia]. *Revolucionnoe dvizhenie v Sibiri i na Dalnem Vostoke* [Revolutionary movement in Siberia and the Far East]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1967, iss. 4, pp. 3-50. (in Russian)
9. Lenin V.I. Otdacha v soldaty 183-h studentov [Return to the soldiers of 183 students]. *Iskra* [Spark]. 1901, no. 2. (in Russian)

10. Meshchersky A.P. *Pervye marksisty v sibirskoj ssylke* [First Marxists in Siberian exile]. Irkutsk, East Siberian Book Publishing House, 1970, 221 p. (in Russian)
11. Meshchersky A.P., Shcherbakov N.N. *I. Lenin i politicheskaya ssylka v Sibiri (konec XIX v. – 1917 god)*. [V.I. Lenin and political exile in Siberia (late 19th century – 1917)]. Irkutsk, East Siberian Book Publishing House, 1973. 176 p. (in Russian)
12. Nozdrin G.A. Gutovskij Vikentij Anicetovich [Gutovsky Vikenty Anicetovich]. *Social and political life of Siberia in the late XIX – early XX century*. Eds. by M.V. Shilovsky. Novosibirsk, Parallel Publ., 2019, 398 p. (in Russian)
13. *Ocherki istorii Krasnoyarskoj partijnoj organizacii* [Essays on the history of the Krasnoyarsk party organization]. Ed. by V.P. Safronov. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Book Publ., 1967, vol. 1, 408 p. (in Russian)
14. Pipes R. *Russkaya revolyuciya. Kn. 1: Agoniya starogo rezhima. 1905-1917* [Russian Revolution. Book 1. The Agony of the Old Regime. 1905–1917]. Moscow, Zakharov Publ., 2005, 307 p. (in Russian)
15. Popov I.I. *Zabytye irkutskie stranicy: Zapiski redaktora* [Forgotten pages of Irkutsk: Notes of the editor]. Irkutsk, East Siberian Book Publishing House, 1989, 384 p. (in Russian)
16. Sergeev A. *Vosstanie v Aleksandrovskom centrale* [Uprising in the Alexander Central]. *Ogonyok* [Twinkle], 1926, no. 33, pp. 10-11. (in Russian)
17. *Siberian. Otpravka studentov v Sibir* [Sending students to Siberia]. Geneva, Edition of the League of Russian Social Democracy, 1902, 37 p. (in Russian)

Иванов Александр Александрович
доктор исторических наук, профессор
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: ottisk@irmail.ru

Ivanov Alexander Aleksandrovich
Doctor of Sciences (History), Professor
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: ottisk@irmail.ru